

ОТКЛИКИ.

Вотъ уже почти двѣ недѣли, какъ я чувствую себя не въ силахъ бесѣдовать съ читателемъ, такъ какъ бесѣдовалъ до сихъ поръ.

Меня окружаютъ самыя благопріятныя условія для работы.

Я въ Кисловодскѣ,—и этимъ вѣдь сказано все.

Голубое небо, прозрачный воздухъ, сладкій, какъ амвросія, которой питались боги, золотое солнце, которое нѣжно грѣетъ, но не обжигаетъ, какъ полагается іюльскому солнцу,—и эта очаровательная вдохновляющая прохлада горной мѣстности,—все располагаетъ къ мысли, къ бодрости, къ труду...

И тѣмъ не менѣе...

И тѣмъ не менѣе—я чувствую, что весь выбитъ изъ колеи,—и перо валится изъ рукъ...

Я чувствую себя, какъ послѣ большой катастрофы, какъ послѣ большого, большого несчастія, которое свалилось на душу и придавило ее.

Ощущеніе остро-субъективное, а межъ тѣмъ — оно создалось не на почвѣ личныхъ дѣлъ.

Меня такъ придавила, скажу—убила—смерть Чехова.

На моей памяти было не мало литературныхъ потерь.

Юнымъ гимназистикомъ я стоялъ у гроба Тургенева, чьи «Записки Охотника» были первой книгой, пробудившей мою мысль.

Помню смерть генерала въ литературѣ и литератора въ генеральствѣ—Гончарова.

Помню—и довольно близко наблюдалъ смерть тріады поэтовъ: Плещеева, Полонскаго и Майкова, съ которыми умиралъ и старый русскій Парнасъ.

Но ни одна смерть не оставила такого жгучаго, неутѣшнаго чувства осиротѣнія, какъ эта злая, нежданная, воровская смерть, отнявшая у насъ Чехова.

Никто не подошелъ такъ близко къ русской жизни, какъ Чеховъ,—и никто съ такимъ сраданіемъ не любилъ ее.

«Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы народной»...

Такъ предсказывалъ поэтъ.

Чеховъ услышалъ «судъ глупца».

Про него, чье сердце быстро страдало губящей мукой творчества, говорили насмѣшливо и поучительно, что онъ одинаково равнодушно изображаетъ и самоубійцу и канарейку.

Про него, который съ такою глубиной раскрылъ душу современника, говорили:

— Холодный писатель.

Я думаю, что у насъ еще не было писателя съ большимъ «надрывомъ», чѣмъ Чеховъ.

Конечно, мнѣ напомнить:

-- А Достоевскій?

Я благоговѣю передъ памятью Достоевскаго,—но я скажу. Чеховъ—это улучшенный Достоевскій.

Несчастіе Достоевскаго было въ томъ, что его рукой писалъ больной человѣкъ.

Страницы Достоевскаго—это сплошная мука.

Двѣ темы всегда выдають писателя съ головой?

Любовь—и дѣти.

Въ изображеніи любви и въ изображеніи дѣтей писатель долженъ сказаться весь.

Любовь и дѣти—это пробные камни писателя.

Но и любовь—и тѣмъ болѣе дѣти у Достоевскаго какія то неизлечимо болѣзненные...

Его дѣти—это ангелы, но только больные ангелы.

Чеховъ не рисовалъ ангеловъ, онъ создалъ въ своихъ разсказахъ цѣлую галлерею дѣтскихъ головокъ, о которыхъ только одно и можно было сказать:

Что они дѣти.

Дѣйствительно, болѣвшій почти всю свою творческую жизнь, Чеховъ понималъ жизнь здоровымъ умомъ, какъ истинный художникъ...

Нѣсколько сотъ его разсказовъ—это вѣчный музей русской души.

Я хотѣлъ бы мечтать о томъ времени когда у насъ лучшіе мастера кисти любовно иллюстрируютъ Чехова страница за страницей, когда у насъ образуются общества для изученія Чехова, когда это имя будетъ поставлено на ту высоту, которую оно въ себѣ заключаетъ.

Но теперь я вижу вокругъ только равнодушіе, я вижу, какъ, кромѣ литературно-интеллигентныхъ людей, почти никто не уясняетъ себѣ, никто не задумывается надъ этой ужасной смертью.

Напрасно было бы объяснять, что общій интересъ отвлеченъ войной.

Винтъ и пьянство гораздо болѣе занимають курсующую публику, чѣмъ война.

Чеховъ, который съ такой выпуклостью изображалъ и бичевалъ пошлость обывательскаго житія,—уже поглощенъ этой пошлостью, которая лишаетъ людей умѣнья волноваться о чемъ-нибудь, кромѣ собственнаго обѣда, страдать отъ чего-нибудь, кромѣ собственной мозоли...

Глубокая, неутолимая боль...

Въ этомъ полудикомъ непониманіи еще сильнѣе выступаетъ горечь утраты.

О, какъ еще много надо было изображать и обличать пустоту, пошлость, сѣрую безсмысленность скотоподобной жвачной жизни!..

Десять Чеховыхъ нужно было намъ, —но мы имѣли только одного—и этотъ одинъ умеръ въ расцвѣтѣ лѣтъ...

Я не могу отдѣлаться отъ думы объ этомъ, она сжимаетъ невыразимой скорбью мое сердце, — и въ мысляхъ хаосъ, и испугъ, и ужасъ, и перо валится изъ рукъ.

Кисловодскъ.

Скиталецъ.